

Категория авторизации в лингвистике научной речи

Н. С. Супоницкая

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Category of Authorization in Academic Writing

N. S. Suponitskaya

Saint-Petersburg State University, Russia

Ключевые слова: язык науки, теория профессиональных языков, лингвистика научной речи, научный лингвистический дискурс, авторизация.

Сложившаяся в научной речи трактовка авторизации повторяет те же этапы развития, что и лингвистика в целом. В статье анализируются основные подходы к описанию языка науки и смена методологий языковедческих исследований, с которыми напрямую коррелирует категория авторизации: системно-инвентарная, прагматическая, когнитивно-дискурсивная модели описания научной речи. Обзорно-аналитический взгляд позволяет на основе разных оценок смоделировать линии развития категории авторизации и прийти к выводу, что на современном этапе авторизация отражает дискурсивную деятельность автора-исследователя, который использует разнообразные способы и формы самообозначений (*Selbstreferenz*, *self reference*) в контексте сложившихся социальных отношений в сфере научно-познавательной деятельности.

Keywords: language of science, language for special purposes, academic writing, linguistic discourse of scientific text, authorization.

The paper reviews the category of authorization in academic writing. The authorization follows the same stages of development as linguistics did in the 20th century on the whole and correlates with three main approaches (or models) describing the language of science: systematic-inventory, pragmalinguistic and cognitive-discursive models. Analytical and review approach, which takes into consideration different opinions, permits to determine the development pattern of the category of authorization and conclude that the authorization at its current stage of development reflects the discursive activity of the author/researcher, who uses various means and forms of self-reference (*Selbstreferenz*) in the context of established environment of social relationship in the area of scientific and educational activities.

Данная обзорно-аналитическая статья посвящена категории авторизации в лингвистике научной речи. Сложившиеся в ходе развития линии и подходы к описанию языка науки оказывают влияние на трактовку отдельных категорий, таких как авторизация, благодаря чему появляется более глубокое понимание авторизации как градуальной, субъективной и антропоцентрической категории.

Изучение языка науки во всех релевантных для лингвистики аспектах в зарубежном языкознании проводится в рамках так называемой лингвистики научной речи (ЛНР) (*нем.* Wissenschaftslinguistik, *англ.* academic writing / language of science) как одной из частных дисциплин общей теории профессиональных языков (*нем.* Fachsprachenforschung, *англ.* language for special purposes) [18, S. 14–24]. В отечественной лингвистике о такой особой дисциплине сложно говорить, поскольку здесь анализ языка науки по традиции остается интегрированным в функциональную стилистику, а раздел о научном функциональном стиле входит в качестве обязательного в теоретические и практические пособия по стилистике соответствующего языка. Согласно мнению М. Н. Кожиной, «вместе с развитием функциональной стилистики начинается специальное интенсивное исследование научного стиля русского и европейских языков, в том числе стилостатистическими методами» [2, с. 247].

Вместе с тем эта разница в подходе к лингвистическому анализу языка науки в рамках отдельной дисциплины или как части функциональной стилистики оказывается вторичной с точки зрения поступательного развития методологии лингвистических исследований. Важно акцентировать при этом, что эволюцию ЛНР и жанрово-стилистический анализ научных текстов нельзя рассматривать отдельно от развития лингвистики в целом.

Поскольку развитие ЛНР проявляется в эволюции ее основополагающих операционных понятий, таких как «специальный/профессиональный язык», «научный стиль», «адресация» и «авторизация», то можно поэтому предположить, что категория авторизации, представляющая собой одну из линий коммуникативно-прагматического содержания научного текста, по-разному трактовалась в исследованиях XX в.

В 50–70-е гг. XX в. складывается системно-инвентарная модель описания языка науки. Данная модель позволила выделить и систематизировать типичные лексические и грамматические средства, встречающиеся в научных текстах. Безусловно, список таких специализированных языковых средств представляет собой открытую систему. К наиболее частотным и доминантным языковым индикаторам научного стиля изложения можно отнести следующие: деагентивные, пассивные, а также инфинитивные и рефлексивные конструкции, атрибутивные генитивные цепочки, номинативные конструкции, специальную лексику (термины), коннекторы, неопределенно-личные местоимения с генерализирующим значением и т. д. [13, S. 704–705; 2, с. 248–250; 10, S. 186–187]. Такие частотные в языке науки средства рассматриваются в рамках системно-инвентарного подхода в качестве базового инструментария профессионального «субъязыка», формирующего основополагающие функционально-стилистические признаки научного стиля.

В этой связи М. Н. Кожина указывает на то, что благодаря этим доминирующим средствам научный стиль строится на обобщенно-отвлеченности в сочетании с подчеркнутой логичностью речи, где абстрагизация, подчеркнутая логичность, точность, ясность, объективность изложения, его последовательность, логизированная оценочность, некатегоричность изложения играют наиболее важную роль [2, с. 242–248].

Соответственно, авторизация научного текста («присутствие автора исследователя») оказывается не в поле зрения исследователей и не входит в

программу изучения профессионального языка науки, по сути, этот вопрос вообще не ставится. Исследователи были сосредоточены на проблеме выяснения, как язык науки с его лексической и грамматической спецификой соотносится с общенациональным языком, а также на проблеме выделения типичных жанровых черт, которые создаются частотностью употребления безличных и обобщающе-генерализирующих языковых средств. Так, фон Поленц, устанавливая доминирование такого рода единиц в языке науки, называет в качестве ведущей стратегии текстообразования «деагентивацию» (Deagentivierung) [17, S. 105], или устранение активно действующего субъекта познания с переднего плана научного изложения и выдвигание в его центр объекта научного изучения и исследования.

В полном соответствии с господствующим в этот период изучением языковых доминант научного текста Т. Бунгартен, подобно фон Поленцу, выводит тезис об «отчуждении» (Entfremdung) научного субъекта, которое создает особую дистанцию при текстовом формулировании результатов научных исследований [9, S. 22]. Ученый как личность «затушевывается», что в языковом плане выражается в дистанцированном самообозначении или вообще опущении маркирования «присутствия» говорящего/пишущего: вместо местоимения 1 лица ед. ч. «ich» применяются субстантивные номинации в 3-м лице типа «автор/исследователь» (Verfasser, Autor), безличное местоимение «man», местоимение 1 лица мн. ч. «wir» в функции выражения авторской скромности, пассивные структуры.

Таким образом, основное внимание представителей системно-инвентарного подхода при описании языка науки было сосредоточено на выделении и систематизации типичных, т. е. наиболее частотных, лексических и грамматических средств, встречающихся в научных текстах и создающих их «обезличенную» материальность/текстовую форму. Этот вывод находит обоснование в общепринятом на данном этапе философском взгляде на науку как деятельность сугубо теоретико-обобщающего плана, фиксирующую закономерные связи и устройство объекта. Именно благодаря этой причине можно говорить о таких чертах научного стиля изложения, как абстрактность, обезличенность и объектноориентированность.

Вторая точка зрения на язык науки формируется в 80–90-е гг. XX в. Ее условно можно трактовать как прагматическую модель описания языка науки. В этот период в лингвистике происходит кардинальное изменение ракурса рассмотрения языковых средств в связи с новой методологией лингвистических исследований, поставившей во главу угла объяснение языковых фактов «через человека», пользующегося языком для достижения личных и социальных целей.

Данная модель знаменует собой попытки объяснить с прагматических позиций, почему именно абстрактно-обобщающие, безличные и неопределенно-личные языковые средства и структуры предпочитают автором научного текста для решения стоящих перед ним задач — вербализовать профессиональному сообществу получение и передачу новой научной информации об объекте.

В рамках прагмалингвистических исследований усилия лингвистов были сосредоточены на объяснении авторизации в проекции на социальные стандарты/нормы ведения коммуникации в научной сфере. Одна из таких

норм заключается в том, что в науке не принято говорить «я», поскольку это противоречит одному из главных принципов прагматики — принципу кооперативного сотрудничества, по П. Грайсу, максиме Релевантности [12, р. 47]. Это и понятно, поскольку автор-исследователь не является темой/объектом изучения научного текста и второстепенен для научного сообщения.

В немецкой лингвистике общепринятые максимы профессионального общения были сформулированы Х. Вайнрихом, а затем дополнены Х. Кретенбахером. Запрет на авторизацию у Х. Вайнриха (das «Ich-Verbot») вытекает из научного объективного стиля изложения. Ученый обращает внимание на то, что результаты исследования должны быть независимы от индивидуальных особенностей личности исследователя [23, S. 232]. Низкая степень эксплицитной авторизованности объясняется, таким образом, Х. Вайнрихом коммуникативно-прагматически. Хайнц Л. Кретенбахер развивает идеи Х. Вайнриха и предлагает более категоричный по смыслу термин «табу на авторизацию» (das Ich-Tabu), который определяет стратегию эффективной коммуникации в науке [16, S. 26].

Вторым важным направлением в исследовании категории авторизации с прагмалингвистических позиций является ее трактовка на основе характера профессиональной научной деятельности и стоящих перед ней социальных задач: через личный вклад в разработку проблемы содействовать общезначимому научному прогрессу в ее решении. С этих позиций в научной деятельности оказывается важен не конкретный агент, а сам результат научно-познавательного процесса. В этой связи Г. Грэфен пишет о том, что процесс получения результатов исследования может быть связан с индивидуальными достижениями, а также идеями конкретного исследователя. Однако для распространения и публикации научного текста основополагающим является именно общий результат, который не зависит от индивидуальности исследователя [11, S. 201]. Вслед за Х. Вайнрихом, который подчеркивал, что характер научной деятельности в ее текстовом воплощении предстает как реализация «надындивидуального подхода» [22, S. 133], Г. Грэфен говорит о «надындивидуальном значении результатов познавательной деятельности» («überindividuelle Geltung von Erkenntnisergebnissen») [11, S. 201]. В рамках лингвопрагматического подхода исследует средства выражения автора и адресата в научном тексте и Р. Креста, который исходно объединяет средства обозначения обоих «антропоцентров» коммуникации в единой родовой категории «интерперсональности» («Interpersonaltät») с последующим подразделением на самообозначения автора («die ICH-Gruppe») и номинации адресата («die DU-Gruppe») [15, S. 29, 37]. В целом текстовое применение обозначений автора и адресата в научном письменном общении интерпретируется Р. Креста, как это уже видно из содержания введенной им базовой категории «интерперсональности», на основе экстралингвистического критерия межличностных отношений между автором и его потенциальным читателем. Заслуга Р. Креста в изучении авторизации и адресации состоит прежде всего в том, что межличностные отношения моделируются им с учетом профессиональной специфики научной деятельности, а средства авторизации и адресации предстают как интегрированные в сложившуюся систему социальных профессиональных отношений.

В отечественной лингвистике похожего мнения придерживается А. Л. Пумпянский, характеризуя стиль научной и технической литературы как «формально-логический или коллективный» [7, с. 87]. Этому стилю присущи строгая логика описания, «практически без применения эксплицитно выраженной эмоциональности» и нацеленность на результат, а не на субъект исследования. Коллективность как ведущий признак научного стиля выражается в надындивидуальном представлении результатов научных исследований.

Таким образом, в рамках второго подхода к описанию языка науки в центр изучения вовлекаются эксплицитно выраженные, главным образом, прямые средства авторизации. Их низкая частотность в научных текстах объясняется исходя из коммуникативных норм, принятых в науке, и трактуется как своего рода необходимость, возникающая иногда у автора при вербализации лично ориентированных коммуникативно-речевых действий, таких как автоцитирование, сообщение о подготовительных этапах исследования и пр.

Как уже говорилось выше, для науки как социальной сферы деятельности значение имеет не индивидуальность ученого, а общий существенный результат, общественно значимый вклад в прогресс науки. Эта общая установка формирует основу для профессионального контекста общения в науке и диктует автору научного текста выбор преимущественно «бес-субъектных» стратегий текстового формулирования. Вместе с тем это не означает, что научный текст полностью обезличен и не имеет «следов» авторского присутствия. Сбалансированную позицию по данному вопросу помогает выработать когнитивно-дискурсивный подход к анализу средств авторизации.

В понимание социолингвистических основ письменной научной коммуникации и особенностей текстово-дискурсивной деятельности в данной коммуникативной сфере существенный вклад внес Д. Свейлз, представитель американской прикладной лингвистики. Он ввел среди прочего получившее широкое признание в лингвистике понятие «дискурсивного сообщества» (*discourse community*), определяя его как группу, объединенную общими целями и задачами и использующую коммуникацию для их достижения. Выработка механизмов внутригруппового обмена информацией становится основной целью данного сообщества. По мнению Д. Свейлза, жанр полностью определяется целями научного сообщества. Жанр связан с дискурсивной практикой, принятой в обществе, и зависит от заранее оговоренных и установленных целей и социальных механизмов, которые ее регулируют [21, р. 24–27].

Таким образом, дискурсивная деятельность тестобразования в сфере науки оказывается постепенно вплетенной в социальную деятельность, а средства авторизации рассматриваются как часть этой деятельности.

Третий, коммуникативно-дискурсивный, подход к категории авторизации и средствам ее выражения распространяется в лингвистике научной речи с 1990-х гг. В данной модели доминирует анализ дискурсивных функций языковых единиц с авторизирующим потенциалом. Как и на предыдущих этапах, лингвистический анализ языка науки с социально-коммуникативной позиции не игнорирует внешнюю форму научного текста и не уходит в область чистого теоретизирования в отрыве от формы, но

акцентирует внимание на дискурсивных функциях авторизирующих средств. При этом языковые средства авторизации рассматриваются в смысловом и коммуникативном пространстве научной профессиональной коммуникации как включенные в вербализацию типичные научно-познавательные процедуры, составляющие структуру научной деятельности в соответствии со сложившимися общепринятыми нормами в научных профессиональных сообществах.

Коммуникативно-дискурсивный анализ позволяет выявить, что в современной научной коммуникации важен не только сам изучаемый объект, но и процессы получения, доказательства и верификации научного знания. Поэтому в фокусе авторского внимания при текстуализации научных результатов оказывается объект вместе с научно-познавательными процедурами его рассмотрения, т. е. отображается и объект научного изучения, и сам процесс его изучения — научная аргументация.

Применительно к плану авторизации научного текста можно сказать, что в научном дискурсе как отдельной социальной практике имеются свои собственные стратегии авторизации, которые ориентированы прежде всего на специфику осуществления научной профессиональной деятельности и принятые здесь коммуникативные стандарты. При этом в лингвистике научной речи пока не выработан окончательный список автореферентных стратегий, но признается их обязательное наличие в научном тексте. Об этом пишет, например, Т. Штайнхофф [19, S. 4]. Он указывает, что авторизация и автореферентные стратегии (*verfasserreferentielle Strategien*) являются необходимой принадлежностью научной речи (*domänentypisch*), хотя существенная часть авторизирующих смыслов не выражена эксплицитно [20, S. 31]. Благодаря связи научного текста с коммуникативным контекстом некоторые языковые формы выступают как сигналы научного речемыслительного процесса, а также как «следы» авторского присутствия в тексте в зависимости от коммуникативно-интенциональной направленности того или иного фрагмента текста. Отражение коммуникативной цели автора возможно лишь при дискурсивной функции авторизации (*diskursive Funktion der Selbstreferenz*).

Под этой дискурсивной или риторической функцией самореференции А. Брайткопф понимает функцию высказывания с личным дейксисом, реализуемым в контексте. Данные функции связаны с ролью и личностью автора-исследователя, которые находят свое отражение в тексте [8, S. 48–51].

С этих же позиций К. Хайленд говорит о научном тексте как о личном действии/акте текстопроизводства (*act of identity*). Автореференцию ученый объясняет, в частности, через употребление различных личных местоимений, служащих для выражения интерактивной роли автора. С учетом градации субъективности К. Хайленд выделяет следующие дискурсивные функции конструкций с автореференцией: выражение своего личного вклада, формулировка цели, объяснение процедуры исследования, тщательно продуманная аргументация, утверждение результатов [14, p. 103].

В коммуникативно-дискурсивном ракурсе описываются некоторые скрытые средства авторизации в статье С. Т. Нефёдова [5, с. 51–52]. Автор статьи понимает авторизацию в предельно широком смысле как проявление всякой субъективности, границы которой устанавливаются дискурсивно и

прагматически. Такой подход позволяет С. Т. Нефёдову говорить о включенности в коммуникативно-когнитивную деятельность предельно скрытых, дискурсивно-автореферентных средств, таких как формы прошедшего времени, вопросы, императивы [3, с. 10; 4, с. 114]. В контексте научного сообщения такого рода языковые средства в силу их редкой встречаемости находятся в «позиции выдвижения» [1, с. 62] и актуализируют позицию автора-исследователя.

Нетипичные языковые средства включены, согласно С. Т. Нефёдову, в реализацию различных научно-познавательных процедур. Например, императивы выступают как инструменты научного текста, которые «нацелены на диалогизацию научной аргументации и процесса передачи полученных результатов» [3, с. 13]. Императивные высказывания в научном тексте служат в качестве интертекстуальных отсылок, побуждения к совместным действиям коммуникантов (инклюзивный императив), обращений к целевому адресату с предложением, рекомендацией, советом («конъюнктивный» императив). Помимо императивных высказываний нетипичными в научном тексте являются высказывания с перфектными и претеритальными формами предикатов на фоне высказываний с генерализующим презенсом. Дискурсивный потенциал претерита и перфекта не исчерпывается ингерентно присущими им нарративными функциями, такими как подключение релевантных результатов предшественников к текущей аргументации, реализация экскурсов в историю науки и отдельных ее направлений, пересказ экспертного мнения предшественников, исторические справки и т. д. Высказывания с ненарративным перфектом/претеритом «связаны с организацией и структурированием научной информации (внутритекстовый дейксис) или фоновыми отсылками, а также выполняют адресато-контролирующие функции» и используются для контроля над вниманием реципиента через фокусирование элементов информации [4, с. 122].

Таким образом, коммуникативно-дискурсивный подход к описанию языка науки дает возможность выявить множественность способов выражения «присутствия автора» и говорить об авторизации как семантико-коммуникативной категории, имеющей градуальный характер и разнообразные средства языкового выражения. Формы представления «присутствия автора-исследователя» в научном тексте могут быть прямыми, косвенными и имплицитными и зависят от целого ряда коммуникативно-дискурсивных факторов: от типа вербализуемых коммуникативно-речевых действий, от синхронно действующих коммуникативных норм общения в научной сфере, от личных предпочтений автора, сложившихся у него в процессе профессиональной деятельности.

Выводы

В своем развитии лингвистика научной речи начиная с 50-х гг. XX в. проходит несколько этапов, коррелирующих с основными этапами развития лингвистики в целом и сменой в ней методологических принципов в рассмотрении языка и языковых образований. Соответственно этому меняются исследовательские приоритеты и задачи в изучении языка науки и его отдельных функциональных подсистем, таких как средства авторизации.

На первом этапе усилия лингвистов сконцентрированы на анализе языковых доминант научных текстов — типичных, наиболее частотных лексических и грамматических средств, составляющих основной инвентарь «субъязыка» науки и формирующих специфические жанрово-стилистические особенности научного стиля. В своей совокупности господствующие в языке науки средства обобщенно-отвлеченной, пассивной, безличной и неопределенно-личной семантики создают внешнюю бессубъектность научного текста, а их доминирование объясняется в опоре на традиционный общефилософский тезис о центральности объекта анализа и вторичности субъекта познания. На втором этапе вместе с развитием прагмалингвистики язык науки рассматривается в проекции на говорящего/пишущего, и в сферу анализа вовлекаются прямые средства авторизации, обладающие низкой частотностью в научной речи, но являющиеся предпочтительными при вербализации некоторых научно-познавательных действий автора-исследователя. И, наконец, в рамках коммуникативно-дискурсивного подхода становится возможным изучение в полном объеме разнообразных скрытых средств авторизации как текстово-дискурсивных авторизирующих единиц, обладающих скрытой «валентностью на говорящего» [6, с. 9] и воспроизводящих присутствие автора в научном тексте.

Предпринятый аналитический обзор основных подходов к авторизации и языковым средствам ее воплощения приводит к логическому заключению, что авторизация — это дискурсивно-коммуникативная антропоцентрическая категория, которая конституируется субъектом речи в системе профессиональных отношений в сфере науки и ее отдельных отраслей с учетом закрепившихся на данном этапе норм устного или письменного общения и общих задач в научной коммуникации. Данная категория отражает дискурсивную деятельность автора-исследователя, который использует разнообразные способы и формы самообозначений (*Selbstreferenz*, *self reference*) в контексте сложившихся социальных отношений в сфере научно-познавательной деятельности. Авторизация как градуальная категория создает определенное коммуникативное пространство взаимодействия между автором-исследователем и его адресатом из числа представителей профессионального сообщества и наполнено относительно устойчивыми темами и концептами (семантика), стандартами общения (прагматика) и типовыми языковыми ресурсами (лексика, морфология, синтаксис), позволяющими общепринято, оптимально и эффективно реализовать глобальные задачи научного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. *Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования*. Л.: Просвещение, 1990. 301 с.
2. Кожина М. Н. *Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 242–248.
3. Нефёдов С. Т. Императивы как инструмент диалогизации научного текста // *Научное мнение*. 2015. № 9. Филологические науки, искусствознание и культурология. С. 9–18.

4. Нефёдов С. Т. Темпоральная периферия научного текста (ненарративные функции перфекта и претерита // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. № 1. С. 114–123.
5. Нефёдов С. Т. ИмPLICITная авторизованность научного текста // Научное мнение. 2013. № 10. С. 51–57.
6. Падучева Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.
7. Пумпянский А. Л. Функциональный стиль научной и технической литературы // Вопросы языкознания. 1977. № 2. С. 87–97.
8. Breitkopf A. Wissenschaftsstile im Vergleich. Freiburg, 2005. 198 S.
9. Bungarten Th. Sprachliche ‚Entfremdung‘ // Bungarten, Theo (Hg.) Wissenschaftssprache und Gesellschaft. Hamburg: Akademion, 1986. S. 22–43.
10. Bußmann H. Fachsprache // Bußmann, Hademod (Hg.): Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, 2008. S. 186–187.
11. Graefen G. Der wissenschaftliche Artikel: Textart und Textorganisation. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1997. 358 S.
12. Grice H. P. Logic and conversation // P. Cole and J. L. Morgan (eds.). Syntax and Semantics 3: Speech Acts. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.
13. Heinemann M. Textsorten des Bereichs Hochschule und Wissenschaft // Brinker, Klaus / Antos, Gerd / Heinemann, Wolfgang / Sager F. Sven (Hg.): Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung, 1. Halbband. Berlin et al., 2000. S. 702–709.
14. Hyland K. Authority and invisibility: authorial identity in academic writing // Journal of Pragmatics. 2002. 34. P. 1091–1112.
15. Kresta R. Realisierungsformen der Interpersonalität in vier linguistischen Fachtextsorten des Englischen und Deutschen. Frankfurt a. M.: Lang, 1995. 405 S.
16. Kretzenbacher Heinz L. Wie durchsichtig ist die Sprache der Wissenschaften? // Kretzenbacher Heinz L. / Weinrich, Harald (Hg.): Linguistik der Wissenschaftssprache. Berlin et al., 1995. S. 15–39.
17. Polenz Peter von Über die Jargonisierung von Wissenschaftssprache und wider die Deagentivierung // Bungarten, Theo (Hg.) Wissenschaftssprache. München: Fink, 1981. S. 85–110.
18. Roelcke T. Fachsprachen. Berlin: Erich Schmidt Verlag GmbH, 2010. 250 S.
19. Steinhoff T. Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2007. Vol. 35. S. 1–26.
20. Steinhoff T. Wissenschaftliche Textkompetenz: Sprachgebrauch und Schreibentwicklung in wissenschaftlichen Texten von Studenten und Experten. Tübingen, 2007. 456 S.
21. Swales J.M. Genre analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge University Press, 1990. 260 p.
22. Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1989. S. 119–158.
23. Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache // Sprache, das heißt Sprachen. Mit einem vollständigen Schriftenverzeichnis des Autors 1965–2005. 3. Tübingen: Narr., 2006. S. 221–252.

REFERENCES

1. Arnol'd I. V. Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka. Stilistika dekodirovaniya. L.: Prosveshchenie, 1990. 301 s.
2. Kozhina M. N. Nauchnyĭ stil' // Stilisticheskiĭ entsiklopedicheskiĭ slovar' ruskogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoĭ. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Flinta; Nauka, 2006. S. 242–248.

3. *Nefyodov S. T.* Imperativy kak instrument dialogizatsii nauchnogo teksta // Nauchnoe mnenie. 2015. № 9. Filologicheskie nauki, iskusstvovedenie i kul'turologiya. S. 9–18.
4. *Nefedov S. T.* Temporal'naya periferiya nauchnogo teksta (nenarrativnye funktsii perfekta i preterita // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2015. № 1. S. 114–123.
5. *Nefyodov S. T.* Implitsitnaya avtorizovannost' nauchnogo teksta // Nauchnoe mnenie. 2013. № 10. S. 51–57.
6. *Paducheva E. V.* Egotsentricheskie valentnosti i dekonstruktsiya govoryashchego // Voprosy yazykoznaniiya. 2011. № 3. S. 3–18.
7. *Pumpyanskiy A. L.* Funktsional'nyi stil' nauchnoy i tekhnicheskoy literatury // Voprosy yazykoznaniiya. 1977. № 2. S. 87–97.
8. *Breitkopf A.* Wissenschaftsstile im Vergleich. Freiburg, 2005. 198 S.
9. *Bungarten Th.* Sprachliche ‚Entfremdung‘ // Bungarten, Theo (Hg.) Wissenschaftssprache und Gesellschaft. Hamburg: Akademion, 1986. S. 22–43.
10. *Bußmann H.* Fachsprache // Bußmann, Hademod (Hg.): Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, 2008. S. 186–187.
11. *Graefen G.* Der wissenschaftliche Artikel: Textart und Textorganisation. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1997. 358 S.
12. *Grice H. P.* Logic and conversation // P. Cole and J. L. Morgan (eds.). Syntax and Semantics 3: Speech Acts. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.
13. *Heinemann M.* Textsorten des Bereichs Hochschule und Wissenschaft // Brinker, Klaus / Antos, Gerd / Heinemann, Wolfgang / Sager F. Sven (Hg.): Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung, 1. Halbband. Berlin et al., 2000. S. 702–709.
14. *Hyland K.* Authority and invisibility: authorial identity in academic writing // Journal of Pragmatics. 2002. 34. P. 1091–1112.
15. *Kresta R.* Realisierungsformen der Interpersonalität in vier linguistischen Fachtextsorten des Englischen und Deutschen. Frankfurt a. M.: Lang, 1995. 405 S.
16. *Kretzenbacher Heinz L.* Wie durchsichtig ist die Sprache der Wissenschaften? // Kretzenbacher Heinz L. / Weinrich, Harald (Hg.): Linguistik der Wissenschaftssprache. Berlin et al., 1995. S. 15–39.
17. *Polenz Peter von* Über die Jargonisierung von Wissenschaftssprache und wider die Deagentivierung // Bungarten, Theo (Hg.) Wissenschaftssprache. München: Fink, 1981. S. 85–110.
18. *Roelcke T.* Fachsprachen. Berlin: Erich Schmidt Verlag GmbH, 2010. 250 S.
19. *Steinhoff T.* Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2007. Vol. 35. S. 1–26.
20. *Steinhoff T.* Wissenschaftliche Textkompetenz: Sprachgebrauch und Schreibentwicklung in wissenschaftlichen Texten von Studenten und Experten. Tübingen, 2007. 456 S.
21. *Swales J.M.* Genre analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge University Press, 1990. 260 p.
22. *Weinrich H.* Formen der Wissenschaftssprache // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1989. S. 119–158.
23. *Weinrich H.* Formen der Wissenschaftssprache // Sprache, das heißt Sprachen. Mit einem vollständigen Schriftenverzeichnis des Autors 1965–2005. 3. Tübingen: Narr., 2006. S. 221–252.

Супоницкая Наталия Семеновна

Научная отрасль: филологические науки.
Санкт-Петербургский государственный университет,
аспирант кафедры немецкой филологии,
старший преподаватель кафедры немецкой филологии.
E-mail: natalia.suponitsksaya@gmail.com